

«авайте» самовыражаться, не ожидая перемен», - спел в 1987 году Александр Градский в ответ на требовательное «Мы ждем перемен» группы «Кино». Исторический период, в который вечность выплюнула нас «в мир», на территорию, любовно называемую народом «Снова Говно», и есть абсурд. С этим фактом трудно смириться двадцатилетним, поэтому они и ждут перемен, а взрослым остается лишь, пока не поздно, самовыражаться.

Симптомом этого явления можно считать резкое увеличение телевизионных интервью. ТВ - это то окошко, через которое можно заглянуть в систему, и одновременно - это та щель, втиснувшись в которую, можно заставить всю страну на себя смотреть. Эдакая уловка старого эскпбициониста: зажал девочку в углу и демонстрируешь ей свои мужские достоинства, она в ужасе смотрит, а извращенец тащится.

Сегодня морально-нравственных телеэскпбиционистов стало особенно много. Среди них, впрочем, есть и вполне достойные люди, такие как, скажем, всеми уважаемый Эльдар Рязанов. Что же заставляет его, известного кинорежиссера, регулярно выступать на ТВ в диалогах с людьми, часто того не стоящими? Бог знает. Может быть, он хочет стать популярным? Ведь одно дело быть известным, узнаваемым, а другое дело - популярным.

В таком случае интервью с киноколлегами явно Рязанов не помогли ввиду отсутствия звездности в нашем кино. Пошел следующий цикл интервью, на этот раз с коллегами по телевидению. Забавно. К киношникам Рязанов относится пусть со сдержанной, но симпатией. К телевизионщикам - иначе. Эти беседы Рязанов ведет с холодно-подобострастным интересом человека, которому абсолютно неизвестно, чем эти ничтожные с его точки зрения люди заработали свое место в эфире и ТВ-рейтингах. Он как бы презрительно разглядывает их, соблюдая при этом правила игры, то есть всячески их нахваливая, однако обмануть стороннего наблюдателя, каким является зритель, не так-то просто.

На первый взгляд кажется, что беседа, допустим, с Константином Эрнстом («Матадор») проходит в теплой, дружественной обстановке, холодный взгляд Рязанова выдает его полное недоумение. Ведь профессионал Рязанов не может не видеть, что лучшие передачи Эрнста про кино - это просто-напросто западные телефильмы, в которые «автор» врезает свои уличные Stand-up'ы, потому что его, разумеется, никто не пустит ни на престижный показ мод, ни на съемки фильма «Апокалипсис». Так далеко рука его высокопоставленного папы не дотянется. Режиссер Рязанов также не может не видеть, что тексты, ко-

ДУШКИ ЭКРАНА

торые произносит ведущий «Матадора» на фоне аляповатых, безвкусовых декораций, не являются плодом его интеллектуального труда. Как актер, играющий роль то Копролы, то Фассбиндера, то молодого повеса, Эрнст также ниже всякой критики. Единственной заслугой Эрнста является то, что он достает западные ленты (на профессиональном носителе), благодаря чему мы имели возможность познакомиться с Мерилин Монро, Копполой, Фассбиндером и т.д. Все это не очевидно зрителю или нашим малообразован-

ования Рязанов так и не понял, что в его собеседнике, известном в кинемире под кличкой «Проходимец», может быть привлекательного.

Сходное впечатление произвел и визит Рязанова к Ельцину. На фоне абсолютно естественно держащихся членов президентской семьи, Рязанов был явно не в своей тарелке. Как киношный сноб, он не умеет находить правильный тон в общении с людьми из другой социальной среды. Свершенно очевидно, что если бы Ельцин в комсомольские годы не увлекся политикой, у него не было бы

ЧЕМ ЭТИ ЛЮДИ ЗАРАБОТАЛИ СВОЕ МЕСТО В ЭФИРЕ?

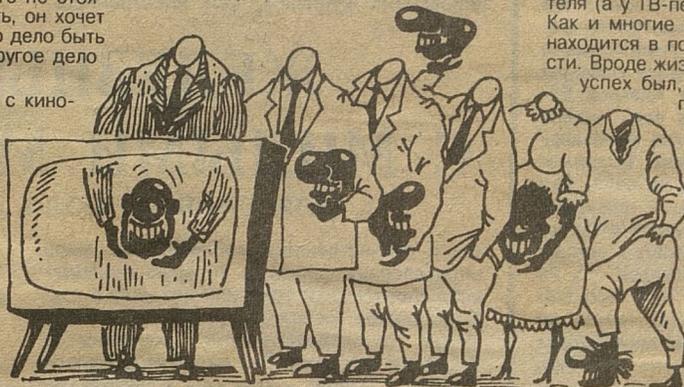
«Рязанов не знает этого», - считает журналист Марина Леско *Моск. Комсомолец - 1993 - 29 июня - с. 4*

ним телекритиком, однако режиссер Рязанов не может этого не видеть. А телевизионщик Рязанов не может не знать, что качество съемок, склеек и монтажа зависит от операторов и видеоинженеров, то есть то, в чем «Матадору» не откажешь, является вовсе не заслугой ведущего, а заслугой его классной коман-

ды. ни малейшего шанса заполучить Рязанова к себе в гости. Поэтому сцена бражания в финале выглядела особенно неестественно.

Конечно, нельзя вычислить, что именно думает человек в той или иной ситуации, но есть впечатление, которое он производит на стороннего наблюдателя (а у ТВ-персонажей их миллионы!). Как и многие сейчас, Рязанов, похоже, находится в поиске собственной личности. Вроде жизнь уже проходит, вроде и успех был, а что-то главное в пути потерялось. А ведь было!

И есть тому доказательство - «Берегись автомобиля». Была живость, легкость, свобода, искра, угасшая впоследствии под тяжестью внутренних компромиссов, необходимых для того, чтобы, несмотря на смену властей и режимов, оставаться «на плаву». Зато осталась потребность артиста быть в постоянной коммуни-

И уж, конечно, Рязанов-тусовщик знает, что Эрнст - сын вельможи, почему и получил в свое время возможность пользоваться техникой «Видеофильма», и ему было позволено попробовать себя в качестве режиссера во «Взгляде», для которого халаявная съемка в те времена была солидной экономией. Знает Рязанов, что во «Взгляде» задачей Эрнста было стоять в стороне и не мешать работать другим.

... Однако в течение всей беседы Рязанов безупречно любезен. С холодным любопытством вглядывается он в сидящего перед ним молодого человека с полноватым лицом, на котором уютно расположились брови Брежнева и асимметричная улыбка (что, как известно, есть признак лицемерия), размышляя: почему этот субъект так стремится создать себе репутацию одинокого сердцееда. Словом, в конце диалога остается впечатление, что после часового обсле-

кации с той частью вечности, которая называется публикой. Осталось, видимо, и ощущение чего-то утраченного и не сделанного, и если бы хватило у Рязанова духу после часовой беседы с тем же Эрнстом честно сказать ему на глазах у всей страны: «Вы пошлый человек», он снова бы обрел внутреннюю свободу, ибо в этом направлении надо сделать всего один шаг, а дальше уже все пойдет само собой. Надо один раз сказать начальнику «Ты дурак» и жене «Любовь прошла» и, оказавшись безработным и бездомным, начать новую жизнь, но уже в ладу с собой.

Время настойчиво требует ярких, самобытных, свободных людей, но их крайне мало, ибо формула социального успеха как бы уничтожает в человеке индивидуальность, что обидно, ведь с точки зрения вечности яркая личность во сто крат ценнее, чем миллионы серийных.